

СЕРГЕЙ РУДЕНКО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

◆ ПЕСОЧНИЦА ◆

ЦВЕТУЩИЙ АД

Сергей Владимирович Руденко
Песочница: Цветущий ад. Том 2
Серия «Песочница», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67942992

SelfPub; 2023

Аннотация

Новый мир оказался совсем не так дик, как могло показаться поначалу. Параллельно с железно-каменным веком обнаружили и работоспособные остатки чего-то иного, куда более высокотехнологичного, чем земная цивилизация. Открытия сыплются на героя, как из рога изобилия...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая: Застрявшая экспедиция	4
Глава 1. Цвет ужаса	4
Глава 2. Затянувшийся ужин	24
Глава 3. Утро вечера мудренее	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Руденко

Песочница:

Цветущий ад. Том 2

Часть первая:

Застрявшая экспедиция

Глава 1. Цвет ужаса

День 63, вечер

...Удивительно, но мгновенное вживание обещанного «интерфейса» и возможность глянуть на скрытую прежде реальность – все это меня не так чтобы сильно поразило. Не настолько, как могло бы. По-моему, еще когда два месяца назад я обнаружил тот, подозрительно высокотехнологичный для местной дикости медальон-компас – наверное, уже с того момента во мне и вызревала подсознательная готовность к чему-то подобному.

«...В конце концов, я же вышел к обитаемым землям именно с его подсказки...»

А уж когда урюпинский князь легко опознал приспособ-

ление, продемонстрировал, что устройство способно запоминать больше одной географической точки и несколько раз переключил его между двумя разными «картами» – тут уже трудно было не догадаться, что технологии этого мира и в самом деле ушли куда дальше условных мечей и копий. Даже если большинство из нас продолжает жить фактически в каменном веке...

В общем, стоя в полумраке холма, конечно же, я мысленно немного задергался, рассмотрев появившийся почти у моей ноги сгусток разноцветных и перемигивающихся огней в виде светящегося столбика. Но удалось все же обойтись без испуганных вскриков, хватания себя за волосы и прочей театральщины.

Понятно, что будь у меня немного больше времени, я мог бы и всерьез заволноваться. Все-таки таинственное молчание остальных и подвальная прохлада кирпичного склепа – все это ощутимо отдавало чем-то оккультно-мистическим, таинственным и настраивало на недобрые ожидания. Однако слишком уж быстро все завертелось.

В тревожных отблесках все еще горевших факелов, мой взгляд просто не мог не зацепиться за все эти не слишком яркие, но очень разноцветные и, наверное, можно даже сказать какие-то «веселенькие» огоньки. Тем более – среди серой унылости подземелья.

Однако стоило мне попытаться «присмотреться...»

«...Да что же это такое???» – вздрогнул я в панике и за-

шатался, словно от удара по голове.

Невинный синий огонек в одно мгновение развернувшийся в сгусток чего-то огромного, обрушился таким напором образов на мое сознание, попытался вторгнуться стопками каких-то знаний в мою и голову, что разум просто оказался не готов и ...отключился.

Пришел я в себя от осторожных похлопываний по щекам и ощущения, что тону. Не такая уж и мощная, но чертовски ненужная сейчас струйка жидкости вливалась в распахнутый рот.

«...Только бы, млять, не догадались насрать...» – отчего-то подумал я, и мысленно пообещал спасателям все кары, что смогу придумать. Если это и впрямь окажется какая-то гадость.

Ярость изнутри хлынула такая, что ее не смогло перебить даже облегчение, секундой спустя охватившее меня, потому что я успел распробовать вкус жидкости.

«Слав Богу, все-таки вино...»

– Народ, а чего сейчас было-то? – поинтересовался я, пытаясь рассмотреть, кто же именно так аккуратно, и почти по-матерински, придерживает мою голову у себя на коленях.

Но вино, которым меня пытались отпаивать, несколько раз все-таки попало мимо рта, отчего ресницы слиплись, и пока не давали ничего толком рассмотреть. В ноздри лезло только мощное амбре от смеси пота, кожи и привычной для здешних оазисов пряной зелени. После нескольких дней пу-

ти и экономии воды, так должен был фонить и я сам.

Да еще это освещение. Почти вступила в свои права ночь, так что даже сквозь слипшиеся ресницы я не смог бы спутать подступающий закат с недавним мраком внутри загадочного холма.

– Ну, как ты? – заботливо поинтересовался кто-то голосом Свары.

– Спасибо, мамочка, уже намного легче... – поблагодарил я под облегченный хохот остальных, и попытался все-таки продрать глаза едва двигающейся рукой. – Так что случилось-то?

– Ты нам расскажи! – предложил командир, и теперь в его голосе не было даже следа недавнего сочувствия.

– Когда тот шар облетел остальных и задержался рядом с тобой, – позволил себе вмешаться Боцман, – он завис рядом с твоей головой почти на две минуты. Ты, сначала молчал, потом что-то начал беззвучно бормотать...

– Глаза у него были какие-то остекленевшие! – донесся откуда-то справа голос Репея.

Ворчливого толстяка-охотника я, как и остальных, по-прежнему не видел, но не узнать, естественно, не мог.

– Да, может быть... – согласился Ромка, и продолжил с того места, где его перебили (не забыв, впрочем, пояснить, что он стоял на противоположной стороне общего круга, и именно глаза не видел). – В общем, сначала твое лицо было направлено в сторону этого самого шара, а потом, когда тот

потух, и мои глаза привыкли к факелам, смотрю – ты глядишь куда-то вниз, по-моему, себе под ноги, а потом, вдруг, «брык» – и валишься, как бревно...

– А потом? – заинтересовался я, сумев наконец-то осмотреться.

– Ну, ребята тебя подхватили еще в воздухе и быстро выволокли наружу...

– ...И теперь, как видишь, тратим на тебя последнее вино и развлекаем беседами, – снова вмешался в разговор Свара, явно недовольный, что его оттеснили от фокуса всеобщего внимания. – Ты помирать-то будешь, или передумал?

– Не хотелось бы... – неуверенно попробовал я сесть, но куда раньше чьи-то сильные руки подхватили меня, и с легкостью поставили на ноги. – Спасибо!

Несколько секунд под заинтересованное молчание остальных я пытался понять, буду ли падать, но, как оказалось, силы уже вернулись. Как-то прочитав это по моему лицу, народ радостно загудел и, как ни в чем не бывало, принялся обсуждать вечернее меню.

«Точно, намечался ведь банкет...»

* * *

Поначалу меня немного покоробил повышенный оптимизм остальных.

Нет, рожи корчить я не стал, но внутренне немного напрягся и осудил. Однако уже через пару минут с удивлением осознал, что на самом деле, переживаю не из-за некой

«черствости» своих спутников, не желавших как-то особенно скорбеть о погибших товарищах. Оказывается, в глубине души меня задело, что надо мной самими перестали сюсюкать.

«...Ах ты блин, Глебушка упал в обморок! Здоровый мужик повел себя как институтка, так почему вы над ним не вкочтите? Вот, позорище-то...» – под таким углом зрения гибель почти трети экспедиции была в укор уже мне.

От догадки стало ужасно стыдно, и начало ощутимо жечь щёки.

«...Ну вот, не хватало, еще и покраснеть у всех на виду. Хорошо, что изрядно потемнело...»

В это время приятеля-моремана командир собрался отправить за какими-то «креветками». Вместе с помощником, как «признанного специалиста в этом вопросе» – и я поспешил составить ему компанию:

– Давайте, я пойду с Боцманом!

– Уже настолько передумал в обмороки падать? – хмыкнул Свара, глядя на меня с сомнением. – Ты же в ближайший месяц вроде как местный князь, богатейший с этой стороны гор, неудобно такого олигарха отправлять ковыряться в грязи...

Звучало вроде иронично, но я не сомневался, что командир не шутил. Проигнорировав непонятную оговорку, я заверил, что не хочу сейчас оставаться в стороне:

– Надо немного развеяться. Ну и, если идти не слишком

далеко, то не думаю, что будут проблемы!

– Нет, сейчас же обходить вокруг не надо. Пойдете прямо к руслу, тут метров триста... – дал себя уговорить здоровяк, – быстро наковыряетесь там и вернетесь, пока мы будем готовить котелки и собирать воду... Короче, валите!

Свара переключился на остальных, а явно обрадованный моей компанией Роман, поманил к нашему временному лагерю. Как я и думал, ему нужны были мешки.

Боцман вытащил из своего рюкзака пару невесомых, но чертовски надежных коконов из паучьего шелка и уверенно зашагал в сторону ближайшей низменности. Когда я поравнялся с ним, Ромка несколько раз глянул на меня искоса, но потом все же спросил:

– Ну и как?

– Не знаю, – совершенно искренне признался я, – пока не понял, что именно произошло со мной, но не крылья, ни рога, как видишь, не выросли...

– Как-то ты неуверенно, – хмыкнул напарник.

– Так я действительно не знаю...

Отсутствие тропинок сильно мешало идти рядом, поэтому на некоторое время разговор увял сам собой. Нет, конечно, здешняя плантация была проходима, но все же не Бульварное кольцо. Чувствовалось, моему спутнику было о чем поговорить, но он не решился отвлекаться и рисковать. Все же мы были в боевом походе, и встретиться в незнакомом оазисе могло все что угодно.

Дорога не заняла много времени.

Уже через несколько минут мы вышли к подлеску – как обычно, куда более густому, чем заросли внутри оазисов – проломились сквозь него по слоновьи, и оказались у края открытого пространства.

Лишенная зелени местность перед нами была покрыта чем-то похожим на ссохшуюся неровную корку. Очевидно, когда во время сезона дождей вода сначала наполняла эту широкую промоину, а потом – долго высыхала, здесь должна была водиться какая-то живность, но сейчас – царила унылая тишь да гладь.

– И чего теперь? – поинтересовался я.

– Сейчас добудем вкусняшек! – непонятно пообещал напарник, и оглянулся в поисках чего-то или кого-то.

Уже через минуту все вопросы отпали.

По краю оазисов часто образовывались небольшие бамбуковые заросли. В населенных местах их обычно вырубали – не из эстетики, а просто сам материал был постоянно нужен – но здесь люди бывали лишь наездами, так что стволы вымахали вполне приличные. Ромка даже вынужден был искать не слишком большой.

Вытащив из-за пояса свое сегодняшнее приобретение, он одним ударом подсек ближайший ствол нужного диаметра, укоротил его до полутораметровой длины и заострил. Одобрительно глянув, напарник передал приспособление мне, и парой ударов топора соорудил еще одно точно такое же уже

для себя.

– Пошли! – Ромка явно знал что делал.

Выйдя на открытое пространство, он принялся оглядываться, а я – терпеливо ждал подсказок. В какой-то момент добытчик все же определился, и двинулся к самой глубокой впадине. Сейчас она выглядела она так, будто засыхала последней, и уже после того, как остальное русло потрескалось и давно забыло о дождях. Нет, трещины здесь тоже были, но они не могли скрыть прежние расклады.

– Смотри! – подмигнул приятель, и воткнул заостренный конец в ему одному понятное место у своих ног.

Пользуясь бамбуковым шестом, словно импровизированной лопатой, он вывалил кусок слипшейся земли, присмотрелся к чему-то на дне ямы, и просветлел лицом.

– Смотри...

– И?

– Совсем-совсем ничего не видишь?! – хмыкнул этот гад насмешливо.

Я присмотрелся в поисках чего-то необычного, но нет. Земля и земля. Да, чуть влажноватая, но – совершенно ничем не примечательная:

– Давай, уже...

– Господин князь не хочет испытать свой ум? – хмыкнул Ромка снова.

– Блин, скоро вообще-то потемнеет... – намекнул я, что пора бы перестать выделываться.

– Ладно, скучный ты... – изобразил разочарование Бочман, и ткнул кончиком своего шеста в один из углов образовавшейся ямы. – Вот сюда присмотришь!

– Ну что там... земля чуть более влажная, чем с другой стороны?

– Именно! – похвалил меня этот позер. – Ты запоминай, вдруг самому придется жратву искать...

Я наклонился пониже, и попытался угадать, чем это мне поможет: тени вытянулись настолько, что свет заходящего светила скорее мешал, чем помогал.

– Низменности в тех местах, где раньше стояла вода, это считай, кладовые. Не всегда богатые, но одному или небольшой группе можно прокормиться! – ловким движением шеста Ромка подцепил и вывалил из стенки что-то, показавшееся мне поначалу обычным камнем.

Напарник подобрал добытое, и – умело содрал с него, что-то вроде пленки или мокрой «кожуры». В руках у него осталась здоровенная, и вполне свежая на вид «мокрица», размером сантиметров в пятнадцать. Блестящий темно-зеленый панцирь как бы намекал, что тварь вполне свежа и, следовательно, съедобна.

– Это местные «креветки». На вкус, как настоящие раки, хотя понятно, что это какое-то насекомое...

Неуверенно приняв добычу у напарника, я взвесил ее в руках и мысленно согласился: да, шутка весомая, наверное, грамм в четыреста. «Не наестся, так перекусить...»

– И много их здесь? – Ромка в это время пытался вывернуть еще один грязевой валун.

– Должно быть да, но во время сезона вода заливает очень большое пространство, – обвел взглядом Ромка всю низменность, – и не всегда угадаешь, где именно закопаются все эти... А не угадал – замучаешься перекапывать. Бамбук все же не железо. Лови! – бросив мне очередной «комок», добытчик продолжил ковыряться в земле.

– А что с ними, анабиоз? – содрал я что-то вроде кокона уже сам, и сунул добычу в мешок, к ее товарке.

– Ну да. Когда водоем начинает сохнуть, они зарываются в самое глубокое место, выпускают какую-то слизь, та затвердевает, и твари спят несколько месяцев вместе с собственным запасом воды. Начинается очередной сезон, вода пропитывает землю, они это понимают, и просыпаются. Потом, жрут пару-тройку месяцев друг друга, растут, и потом снова в спячку... – продолжил копать и рассказывать Роман. – Не знаю, сколько таких циклов нужно, но в какой-то момент твари достигают зрелости и размеров теленка. Правда, после этого они уже в спячку не впадают и становятся травоядными.

– О, так их нужно разводить! – заинтересовался я.

– А как? Долго протянуть в горах и предгорьях они не могут,дохнут отчего-то, а мы в саване не живем. Пока не судьба... – Ромка время от времени добывал очередную «анабиозную креветку» и бросал ее мне.

В итоге почти четыре десятка тварей мы добыли меньше чем за полчаса. Основную нагрузку взял на себя напарник, поэтому я решил взвалить на себя оба мешка с добычей. Не все существа были такие же крупные, как первая, но весу получилось килограмм пятнадцать, если не больше. Действительно, если на вкус ничего, то отряд и впрямь можно накормить.

– А почему мы не нашли по-настоящему крупных? – поинтересовался я на обратном пути.

– А ты попробуй этой бамбуковой фигней выкопать метровую яму, – рассмеялся напарник. – Те закапываются куда глубже, и самое главное: проблема с угадыванием места становится только острее. Прикинь, старался-копал несколько часов, но ошибся...

– Ну да, обидно получилось бы.

– Слабо сказано!

* * *

Путь назад много времени не занял, хотя практически окончательно стемнело. В лагере к нашему возвращению успели нарубить дров и добыть воду. Оба походные котелка – дорогая штука, надо заметить – грелись, и вроде даже уже собирались кипеть. Нас встретили нетерпеливыми, но довольно доброжелательными выкриками:

– Я же говорил, Боцман в этом деле дока! Ох, и пожрем сейчас! – оживились откуда-то справа, из темноты.

– Жалко пивка нет... – вторил ему голос со стороны ко-

стров.

– Ага, «пивка», может тебе еще и баб вызвать?

– А ты вызови! Или впадлу для товарищей постараться?
А-а-а... единицы экономишь!

– Телефон дома забыл, – доброжелательно отшучивался критик, судя по голосу – отрядный ворчливец Репей.

– Вот и я облажался с этим... – вздыхал в ответ собеседник.

Очевидно почувствовав, что разговор сворачивает куда-то не туда, Свара решил вмешаться:

– Так, никакого вам пива! Но предлагаю допить неприкосновенный запас вина. У нас осталось еще почти полтора литра...

Одобрительные крики были настолько искренними и громкими, что на мгновение я даже забыл, что мы совсем не на пикнике. Свара напомнил, правда, прозвучало это куда мягче, чем обычно:

– Так, не забыли, вокруг вообще-то незнакомый оазис, а мы далеко от дома? Однако разрешаю по стакану аперитива... Ну и добытчиков больше сегодня не напрягать, пусть перекурят...

Последнее касалось нас с Ромкой, и я мысленно не мог не согласиться, что хотя в командиры нам достался изрядный придурок, но фишку он рубит.

– Раз наша часть работы позади, – поспешил воспользоваться Боцман, – может, пошли, поболтаем с твоим интури-

стом?

Костры горели в метрах двадцати от захваченной канонерки, и до пленника было идти всего ничего.

– *Tovarisch, may I go to the toilet?* (Товарищи, можно мне в туалет?) – заскулил привязанный к невысокому, двухметровому деревцу англичанин.

– Как он сказал, «товарисч»? – не поверил я. – Что-то новенькое...

– Ага! Ха-ха-ха, в туалет просится... – перевел Ромка и, отсмеявшись, продолжил уже на английском. – *Who taught you to speak like that?* (Кто тебя научил так говорить?)

– *Your friends. Should I not have listened to them?* (Ваши друзья. Мне не стоило их слушать?) – опасливо уточнил пленник.

– Что говорит? – заинтересовался я.

– Да, говорит, приходили обалдуи, и научили его правильно обращаться к русским. *As you wish!* (Как пожелаешь!) – обратился Ромка уже к англичанину, и пояснил снова мне. – Беспокойтесь, можно ли так обращаться к нам, но я сказал, что пофиг. Так как, будем этого писклявого ссыкуна выгуливать?

– Слушай, пошли и правда, прогуляемся. Не обыскать же здесь все... Особенно, если оно и впрямь летает. Неудобно как-то...

– Ага! – снова расхохотался Ромка, и принялся отвязывать англичанина от дерева. Тот о чем-то жаловался своим

тонким, плачущим голосом, а развеселившийся напарник явно его приободрял. – *Don't moan like that, otherwise you'll make a puddle in your pants... Oh, so you don't have pants? Well then move on...* (Не стони так, а то сейчас сделаешь лужу в штанах... А, так у тебя нет штанов? Ну, тогда стони дальше)

Я ни слова не разобрал из его хохочущей тирады. Стало чертовски обидно, но напоминать о переводе показалось неловко: речь явно шла о чем-то несерьезном.

– *Thank you, Mister! I'm very grateful to you...* (Спасибо, мистер! Я очень благодарен вам) – стеснительно отвернувшись, пленник тут же зажурчал по дереву, к которому до того был привязан.

– Эк, измучался-то, болезный, – посочувствовал Ромка по-русски.

– *I didn't understand a word, mister...* (Я ни слова не понял, мистер?) – пропищал англичанин, продолжая, впрочем, с удовольствием мочиться.

– Ссы спокойно, дорогой интурист! – заржал напарник, но переводить ничего не стал.

– *What?* (Что?)

– Дружище, спроси старшего матроса Джона, тяжело ли управлять этой штукой? – кивнул я на нависающую над нами громаду канонерку. – А то я, признаться, до сих пор не верю, что эта бандура и впрямь летает...

Не смотря на довольно скромные в целом размеры, сейчас – в почти наступивших сумерках – сооружение выглядело

более чем внушительно. Бортик на крыше, ну или возможно – верхней палубе – находился почти на трехметровой высоте.

– А действительно... – оживился Ромка. – *Joni, can you show me how to operate this thing?* (Джонни, покажешь, как управлять этой штукой?)

Англичанин дожурчал, дважды аккуратно «тряхнул», стеснительно опустил задранный край набедренной повязки, и только после этого обернулся:

– *What can I do for you ...tovarischi?* (Что я могу для вас сделать ...товарищи?) – поклонился он.

– *How to control this boat?* (Как управлять этой лодкой?) – напомнил Бодман.

Пленник изрядно оживился от вопроса, и снова принялся тараторить своим писклявым голосом. Низкий, худощавый мужичок лет около тридцати, в этот момент выглядел, скорее – испуганным подростком. Не очень впечатляющее зрелище, но добавьте сюда еще и незнание английского, и станет понятно, что такая манера рассказывать, меня откровенно раздражала.

Я внутренне напрягся, подавляя желание рывкнуть, и вдруг с удивлением замер...

Нет, мне не показалось. Справа, по самому «краю» зрения, неизвестно откуда появившаяся точка (что-то вроде светящейся иконки) явно начинала мигать в такт болтовне старшего матроса Джона. Стоило тому замолчать, и прекра-

щалось мигание, отчего отметка становилась почти невидимой.

«...Что за фигня, а если так...» – мысленно я потянулся к этой самой штуке, и попытался ее как-то коснуться.

Поначалу ничего не происходило, но когда я почти совсем разочаровался, кое-что все же изменилось: и очень важное! До меня неожиданно вдруг стал доходить смысл разговора. Нет, я по-прежнему слышал, что говорят они не по-русски, но теперь понимал не отдельные слова, а буквально все. Будто в голове заработал какой-то электронный англо-русский «подстрочник».

Стоило задуматься об услышанном, и смысл конкретно взятой фраза начинал «ветвиться», будто кто-то невидимый, со стороны, предлагал сразу все богатство чужого языка.

– ...понимаете, я видел, что делал господин саб-лейтенант* Шисс, но «КАК» он это делал – не понимаю и повторить не смогу. Предлагаю зайти внутрь, и я покажу к чему конкретно он подходил, и расскажу, что было потом... Опишу все его внешние действия подробно, но не требуйте их повторить... – голос Джона звучал довольно жалобно, но твердо.

– Ты не хочешь нам помочь? – пытался давить Ромка, но судя по всему, у него не очень-то получалось.

– Действия, которые я совершал сам или видел, что их делал капитан, я могу описать, но заставить двигатели заработать, мог только он сам или его старшая жена – Смертельно

Прекрасная Желтоглазая Повелительница.

«...Да нет, не может такого быть! – мысленно заорал я. – Это что же, у меня реально переводчик теперь есть?! Что же ты такое: долбаный интерфейс...»

– Скажи, так мы сможем взлететь или нет? – судя по голосу, Ромка уже практически сдался.

– Без кого-то из господ-нагов? Боюсь, что нет. «Товарищ...» – добавил пленник совсем уж жалобно.

– Облом! – сообщил напарник теперь уже мне. – Говорит, что...

– Спроси его: разве он не в курсе, что мы взяли в плен одного из его «господ-нагов»? – перебил я приятеля. – И, кстати, уточни, пожалуйста, «наги» – это же вроде змеи? Я вроде у Киплинга это слово встречал...

– Подожди, ты все понял? – удивился тот.

– Да-да, но давай, потом? А пока – просто переведи ему мой вопрос! – с трудом, но подавил в себе желание расспрашивать, Ромка переключился на англичанина.

«...Вот такая фигня, дружище! Я теперь все понимаю, но по-прежнему ни слова не могу сказать. В смысле – ни словом больше, чем раньше...» – подытожил я мысленно, итог нескольких своих неудачных попыток родить что-нибудь внятное на английском.

Если при мне говорили, теперь я понимал безупречно, но попытки сказать что-нибудь самому успеха не приносили.

...Узнав, что один из чужаков выжил, Писклявый Джон

заверил, мол, конечно! С пленником-нагом, мы непременно сможем улететь к себе домой! Разве только придется немного «постараться», чтоб заставить его...

Англичанин пошел даже дальше и по своей инициативе сообщил, что если мы сцапали младшего Шисса, то его будет достаточно просто испугать. А вот саб-лейтенанта все-таки придется пытаться...

– Очень он упрямый... – вздохнул пленник, и замер, намекая, что ему интересно, кого же именно мы захватили.

Я хорошо рассмотрел тела побежденных нелюдей. И обоих мертвецов, и живого. Было что-то в рассказе старшего матроса, засевшее у меня в подсознании.

«...Как он сказал, Желтоглазая Повелительница?»

– Скажи нашему словоохотливому, что если я правильно догадался, то живой наг у нас тот, что с желтой чешуей на морде. Или точнее – Та.

Ромку буквально разрывало от желания понять, как это я так быстро и однобоко улучшил свой английский, но все еще готов был потерпеть. Поэтому он послушно перевел:

– *Our prisoner has yellow scales on his muzzle...* (У нашего пленника желтая чешуя на морде)

Сказанное произвело на Джона эффект разорвавшейся бомбы.

Лицо доходяги стало мертвецки бледным, это было отлично видно, даже в наступающих сумерках. Всклипнув, англичанин задрожал всем телом, ноги под ним подломились и,

рухнув на колени – он завопил во всю глотку своим невыносимым фальцетом. Голосил пленник куда-то вверх, словно бы пытаясь докричаться до всемогущего существа, которое может находиться, где угодно:

– Госпожа, пощадите меня Госпожа! Я не виноват, Повелительница, ни в чем! Меня захватили в плен без чувств, но я не предавал Вас...

Ответом ему была тишина. А стоило ему сделать паузу, я с ужасом осознал: а ведь последние несколько минут до нас и в самом деле не доносилось ни звука со стороны костров...

* **Саб-лейтенант** (с англ. [subaltern] подчиненный) – звание в Королевском флоте Великобритании, соответствующее российскому «лейтенанту», следующая ступень – четыре ранга капитанов.

Глава 2. Затянувшийся ужин

День 63, поздний вечер

Стоило англичанину рухнуть на колени и застенать своим визгливым голосом, я от такого поворота буквально окаменел. Но поначалу, конечно же, чисто инстинктивно отшатнулся, выругался и вот потом уже замер, не понимая, что, собственно, делать.

– Заткнись, говнюк! – потребовал я не очень настойчиво, просто не способный сейчас сообразить, что пленник не понимает по-русски.

– *Mistress, have mercy on me Mistress! It's not my fault, Lady...* (Госпожа, пощадите меня Госпожа! Я не виноват, Повелительница...) – продолжал надрываться тот.

Такой резкий переход к ничем не прикрытой панике – скорее даже, откровенному ужасу – кого угодно вывел бы из себя. Даже сам по себе невыносимо-пронзительный фальцет утырка, мог бы заставить подергаться, а уж охватившая его паника... Я и в самом деле всем своим существом ощущал, что тот не играет. Доходяга однозначно боялся, боялся – буквально до дрожи, а такое обычному человеку наблюдать – ох, как не просто.

Ромка поначалу тоже отшатнулся, лицо его перекосило, он даже театрально прикрылся рукой, словно бы не способный видеть все это. В другой ситуации это выглядело бы до-

вольно забавно, но вся комедийность на этом и закончилась.

Наверное, те несколько лет, что он провел в этом мире, все-таки ощутимо изменили парня. Потому что пока я топтался на месте и бормотал призывы успокоиться, несостоявшийся яхтсмен поступил заметно убедительнее.

Уж не знаю, сам он догадался, или отреагировал именно на мои призывы, но уже в следующее мгновение мореман набылся, резко шагнул вперед и – хлестко, как каратист какой-нибудь – засадил истеричному интуристу ногою по ребрам.

Прервавшись на полуслове, англичанин подавился собственным визгом, и опрокинулся.

Нет, я бы и сам врезал паникеру, но привычки бить людей вот так сразу у меня, к сожалению, не нашлось. Поэтому поступок питерского Боцмана я, конечно же, поддержал, но и невольным сочувствием проникся. У меня были походные сандалии от того же мастера. Пусть это не кирзачи или берцы, но роговые накладки на носке и подошве – позволяли использовать их и в педагогических целях.

Свернувшись от удара калачиком, пленник неуверенно захныкал и Ромка смутился.

Все-таки садистом он не был, и сейчас ему явно было неловко за свой срыв (за секунду до этого он подступал к крикуну, чтобы повторить внушение, а тут – парень затоптался на месте, и принялся задумчиво тереть свои затылок и шею).

– Чё орешь, гадёныш... – пробормотал мореман неуверенно.

Но к этому моменту я уже пришел в себя:

– Спасибо, Романыч, вовремя ты! – заработав благодарный взгляд напарника, я поинтересовался. – Как думаешь, чего они там затихли?

До лагеря было недалеко. Не настолько мало, чтобы слышать шаги или что-то другое, негромкое, но разговоры, шутки и предвкушающий смех остальных до нас время от времени все же долетал. Раньше, но не сейчас.

– Не знаю, может быть после этих завываний, – напарник кивнул на пленника, – они сидят, прислушиваются, не понимая, что тут случилось... – пожал плечами Ромка, но одновременно он вытащил и трофейный топор из своей самодельной портупей.

Ответ был более чем красноречивый.

* * *

Топтаться на месте иногда бывает куда страшнее, чем идти навстречу заведомой опасности. Сейчас был именно такой случай, но кинуться вот так сразу, в неизвестность, было непросто. Поскольку стоять – это тоже не вариант, я решил немного схитрить. Пойти, но пока не вперед.

– Беремся! – кивнул я на тихонько подвывающего пленника.

Весу в англичанине было в лучшем случае килограмм 60-65, так что проблем наш поскуливающий груз не доста-

вил. Уже через пару минут мы приматывали его тщедушное тельце к одной из ременных петель внутри канонерки. Для чего нужно такое крепление на уровне колена было не очень понятно, но пока я решил отложить свою тягу к знаниям.

В захваченном корабле такие штуки в изобилии были разбросаны по корпусу. Эдакие ремни-петли, только из шелка. Из-за множества «держалок» – разбросанных в том числе и по потолку – корабль изнутри и впрямь больше походил на какой-то деревянный троллейбус, а не инопланетную хреновину, для полетов на неизвестных принципах.

Кстати, по размеру такая ассоциация тоже была более чем оправдана. Почти 12-метровый деформированный параллелепипед, в этом смысле, условно походил именно на троллейбус.

– Спроси нашего визгливого приятеля, что за желтомордая гадюка ждет нас там, снаружи? – Боцман не сразу понял, о чем это, пришлось расшифровать. – Ну, попробуй выяснить ее тактико-технические характеристики, чем эта тварь так опасна...

Неуверенно кивнув, Ромка приподнял лицо англичанина за подбородок. После недавнего взрыва, взгляд пленника сейчас был откровенно потухший и вялый.

– *Joni, can you hear me, why are you so afraid of her?* (Джонни, ты меня слышишь, почему ты так ее боишься?)

– *What?* (Что?)

– *Why are you afraid of her?* (Почему ты ее боишься?)

– *She is Death!* (Она – Смерть!) – снова застенал англичанин.

– Как она убивает? Чем она так опасна? – попытался узнать Ромка, но пленник лишь рыдал, и твердил, что вроде «Мы все умрем!»

– Боюсь, без бодрящих оплеух он невменяем... – подытожил я, но к возвращению интуриста в сознание не приступил, надеясь, что это снова возьмет на себя напарник. Вместо этого я максимально нейтрально поинтересовался. – Что станем делать?

Взгляд моремана вильнул.

– Мы, конечно, не можем отсиживаться здесь. Тем более, если кто-то из ребят еще жив... – начало звучало неплохо, но дальше развивать тему Ромка не стал. Напарник явно не хотел доводить разговор до признания факта, что струсил у нас не только англичанин.

– Но мы ведь не можем отсиживаться? – напомнил я вопреки собственному желанию.

– Не можем... – обреченно согласился собеседник.

* * *

Пока мы собирались с силами, снаружи окончательно стемнело.

Было по-настоящему страшно, отчего этот вынужденный «героизм» доставлял мне почти физические неудобства. Не знаю, как Ромка, но у меня было чувство, что ноги просто не хотят идти в темноту. К едва теплящимся кострам затихшего

лагеря...

От недобрых мыслей и ожиданий, на теле выступил холодный пот, так что шли мы очень неторопливо, если не сказать больше. Но что такое три десятка метров? По прямой – это в лучшем случае, минута или две.

Первое тело в невнятном свете костра удалось рассмотреть только шагов за пять-семь до первого из костров. Оно лежало лицом вниз, и я неожиданно почувствовал облегчение. Нет, конечно же, не от радости, что как минимум один из наших товарищей умер. Просто в такой нервной обстановке хоть какая-то определенность – даже такая – некоторым образом «радовала».

– Надо глянуть, что с ним случилось... – слова мои прозвучали по-дурацки неопределенно, но Ромка снова не стал спорить.

Я, честно говоря, до сих пор не понимал, почему он слушается меня. Мой питерский напарник не выглядел неуверенным в себе человеком, но вот смотришь ты. Проявляя инициативу в житейских мелочах, он ни разу не полез вперед, когда нужно было принимать решения. Из-за этого мне даже против своей воли «приходилось» носить мундир лидера.

Не то чтобы я действительно возражал, но вот именно сейчас, исходя из логики наших взаимоотношений – как лидер – я вроде как был обязан, взять на себя самое неприятное. Приблизиться к лежащему ничком телу, и лично попытаться

ся выяснить, что же с ним случилось. Но, черт возьми, это было выше моих сил!

Судя по всему, Ромка понимал обстоятельства точно так же.

Когда мы все же решились выбраться из сравнительно защищенного уюта канонерки, то договорились, что каждый будет смотреть за своей стороной условной полусферы. Поскольку я шел справа, то мне предстояло, смотреть за правой стороной, а идущему слева Ромке – естественно, за левой.

Совсем не оглядываться было невозможно – обстановка не располагала к полному доверию – но до этого мы бросали очень быстрые, мимолетные взгляды. Услышав же мое не особо уверенное поручение, напарник впервые пристально посмотрел мне в лицо. Я остался внешне невозмутимым, и он опять молчаливо согласился. Но просто так приближаться к мертвецу – даже по приказу – Ромка не стал.

Едва слышно выдохнув, мореман зачем-то начал по дуге обходить труп. Лишь мгновение спустя я сообразил, что он нацелился на брошенное кем-то копьё. Ну да, в непонятном огнестреле чужаков мы толком разобраться не успели, поэтому решили его не брать, а короткий топор – даже со щитом – не давал необходимой уверенности.

Завладев брошенным оружием, напарник ощутимо укрепился в своей решимости. Уже безо всяких петляний, он приблизился к телу, и осторожно подсунув под него древко – и раз! – успевший задеревенеть труп перевернулся на спину.

«...Мать моя женщина!» – вздрогнул я мысленно.

Вся правая половина лица мертвеца, выглядела как огромный синяк, при этом никаких легкоразличимых травм видно не было. Наш ветеран – тот самый, что агитировал меня поучаствовать в конкуре на звание местного князя – умер мучительно, но не совсем понятно, отчего. Белые бельма вместо глаз и оскаленный рот, выглядевший так, будто перед смертью мужик грыз землю.

«...От боли что ли?»

– Да что за хрень с ним произошла... – прокомментировал Ромка увиденное, и принялся еще более активно бросать опасливые взгляды по сторонам.

«...Ага, сейчас эта тишина вот нифига же не радует...» – мысленно согласился я, и ответил Боцману красноречивым пожатием плеч, наверное, просто опасаясь шуметь.

– Идем дальше? – уточнил напарник едва слышано.

Из-за всех этих петляний вокруг трупа, теперь Ромка оказался уже слева от меня. Мне показалось это не очень правильным, но после недавней неловкости, лезть с глупостями я не стал.

– Идем! – крутнув тесак, я двинулся ко второму костру.

Как и первый, он еще не успел окончательно потухнуть, но благодаря походной привычке разжигать огонь в углублениях, был едва виден и не особо хорошо освещал пространство вокруг себя. А уж с расстояния в десяток шагов – и во все едва перемигивался.

«...Блин, стоп! Что за мигание такое...»

Догадка еще не успела оформиться в мысль, когда из темноты на нас надвинулось кто-то здоровенный. Раздвинув темноту, неизвестный появился слева, и первым на него, естественно, отреагировал Ромка.

Почти автоматически он сделал выпад навстречу, и подбранное всего пару минут назад копые с хрустом пробило нагрудную хитиновую пластину нашего гостя, пробив его на вылет.

– О, Господи, Репей, прости меня! Я же не хотел!!! – взвыл обреченно Ромка.

Да, это он, похоже, и впрямь зря вышел нам на встречу. Ворчливый толстяк все еще стоял, беззвучно разевая рот, но был уже мертв. Просто его крупное тело пока еще не согласилось с этим.

– Глеб, ну ты же видел? – продолжал надирать мореман, осознавший, что убил своего.

Наконец, ноги под толстяком подломились, но питерский копыеносец не позволил телу рухнуть под собственным весом. За мгновение до этого он уцепился за плечи очередного мертвеца, и как мог смягчил его падение.

– Глеб, что ты стоишь, ну помоги же мне! – взвыл Ромка.

– У меня для тебя две новости. И обе хорошие...

– А?

– Не буду предлагать выбор, потому что выбирать не из чего. Первая хорошая новость: ты не убивал Репея.

– Как, это же я его... – голос Ромки дрогнул, но он так и не смог сказать вслух про копьё, однако жесты напарника были более чем красноречивы.

– Да понял я, понял, но ты посмотри на его глаза!

Далеко не сразу сообразив, о чем это я, напарник наклонился над телом, и в последних отблесках здешней луны, все же рассмотрел все что нужно.

– Он что, тоже? – не смотря на трагизм ситуации, в голосе моремана звучала искренняя надежда.

– Ну да, видишь же, у него такие же бельма. Репей умер куда раньше, чем получил твое копьё в грудь. Могу даже предположить, что будь у него такая возможность, он бы тебя даже поблагодарил...

Звучало чертовски глупо, но напарнику и не нужно было умно. Ему сейчас жизненно необходимо было как-то избавиться от иссушающего чувства вины. Тем более что за мгновение до этого раненный задергался, и умер. Прямо с всаженной Ромкой двухметровой «мачтой».

– А какая вторая новость?

– О, пришел в себя? Молодчага! – хлопнул я моремана по плечу. – А вторая хорошая новость в том, что мы возвращаемся назад. Нехрен бродить в темноте! Не знаю, как желтомордая тварь это сделала, но раз она не нападает, то и нам не стоит будить Лихо. Пойдем отсюда...

Путь назад не занял много времени. Правда, проходя мимо первого из лагерных костров, я неожиданно замер, в тот

момент, еще не до конца осознавая, что делаю. Задумчиво приоткрыв крышку глянул на его содержимое, осторожно прикоснулся к котлу и уже куда уверенней скомандовал:

– Бери! Только воду, пожалуйста, не забудь слить...

Лицо напарника вытянулось, рот приоткрылся, но – надо отдать должное – так и не произнес ни слова, он сунул топор за пояс и ухватился за почти остывшую посудину...

На нас так никто и не напал.

Набитую доверху емкость с красными панцирями мы тоже не потеряли, и даже болван-англичанин ни куда не делся. Когда забрались внутрь и принялись поспешно баррикадироваться, он несколько секунд лупал на нас своими белесыми ресницами – словно не веря тому, что видит – и только немного спустя неуверенно поинтересовался:

– *Dear sirs, why are you alive?* (Уважаемые господа, а почему вы живы?)

В голосе поганца чувствовалось почти неприкрытое подозрение, но мой английский никак не улучшился, поэтому ответить я смог только неожиданно доброжелательным ржанием. Некоторое время остальные смотрели на это, потом Ромка как-то задумчиво хохотнул, и вдруг, словно распробовав – присоединился к моему странному веселью.

«...Нервы...» – подумал я смущенно, но ржать так и не смог прекратить.

* * *

Обыск лодки ничего не дал.

Мы или не смогли найти, или желтомордой твари внутри и в самом деле не было. Во время небольшой, и не слишком доброжелательной консультации с англичанином, он нас заверил, что если надежно закрыть все щеколды и задвижки, то внутрь мадам Шисс не попасть. По крайней мере, без шума.

Конечно же, после этого мы дважды перепроверили все люки и бойницы.

Дальнейшие расспросы позволили выяснить, что нелюди-самцы ловкие и умелые бойцы, а вот самки у них – сохранили от своих «хвостатых» предков умение плевать ядом. Правда, яд этот не их собственный.

Со слова нашего пленника получалось, что для этого самки жрут несколько видов ядовитых насекомых, и потом – некоторое время, не очень долго – представлять изрядную опасность для окружающих.

– Она не напала на вас сразу, потому что яд на тот момент еще не усвоился...

Со слов Джона выходило, что самки существа вспльчивые, и они предпочитают «просто так» не заряжаться. Хотя наги были довольно устойчивы к ядам, но попадание плевка хотя бы в один глаз, как минимум – лишит их зрения.

Первый признак того, что убила именно самка, это бельма вместо зрачков, которые выглядят так, «будто глаза мертвеца сварились...» – пояснил интурист. В общем, от таких новостей можно было бы прийти в уныние, но Ромку заинтересовало совсем другое.

– И часто вас убивают нелюди? – поинтересовался он у пленника.

Старший матрос попытался юлить, заверяя, что нет, мол, что вы, это большая редкость! Но правда на его белесой морде была написана слишком уж крупными буквами. Да и недавний концерт мы не забыли.

Несколько оплеух, и поток откровенности хлынул из него.

Выяснилось, что да, раз в несколько лет «нагини» впадают в особое состояние, и тогда могут приходить в неистовство, чуть ли не по любому поводу. В это время их стараются не выпускать из их домов-гнезд, но получается так не всегда.

Джон сам видел год назад, какую бойню устроила одна молодая самка, к которой во время прогулки слишком приблизился какой-то неудачник. Тогда погибли не меньше двух десятков случайных прохожих, и пострадал даже ее сопровождающий.

Чувствовалось, что тема убийств нервирует англичанина, поэтому дальше мы воспользовались его нежеланием возвращаться к ней, и принялись расспрашивать об обычной жизни в анклаве.

...Змеелюди оказались у местных англичан высшим социумом.

Самок у них было заметно меньше, чем самцов, поэтому браки заключались, как в Тибете*. У одной жены мужьями считались сразу все братья, но полноценного матриархата – как в фэнтези – не сложился. Уделом самцов, была власть

и война, а общество делилось на кланы, постоянно конкурирующие между собой за оазисы, «души» и вообще ресурсы.

Правда, со слов рассказчика получалось, что до серьезных конфликтов дело все же доходило редко.

– Слушай, так все же, как на Земле! – заявил Ромка в какой-то момент, потрескивая очередной – и в самом деле – очень вкусной креветкой.

– Что имеешь в виду? – заинтересовался я.

– Ну, смотри, – принялся загибать пальцы мореман, – у них тут и вовсе сплошные королевы, а не единственная Бабка Лизка на всех. Мужики при этом, тоже не второй сорт... Бесчинствуют, грабят, в том числе и друг друга. Короче, как и у нас – те еще твари!

Мысль была небезынтересной, но мы углубляться в тему не стали.

Чувствовалось, наш болтун, многое недоговаривает или даже прямо умалчивает. Может быть, даже не из какой-то особой преданности рептилоидам, а, к примеру, просто не желая выглядеть «плохо» в чужих глазах. Словно самые настоящие разведчики, мы не сговариваясь, решили позволить англичанину говорить все, что посчитает нужным. Тем более что быть в центре внимания ему нравилось.

И не прогадали.

Уже к рассвету Джонни расслабился и проболтался, что в отличие от людей, наги мало того, что плодились. Они были способны еще и умирать без обнуления знаний и опыта. Не

все, конечно, но наш пленник не сомневался: сама возможность у них точно была...

Дальнейшие откровения прервал еле слышное постукивание на крыше.

«...Черт возьми, мы же там не проверяли!!!» – вздрогнул я недобрых догадок.

* **Полиандрия** (др.-греч. [πολυ-] много + [ἄνδρός] муж) – редкая форма полигамии, при которой женщина состоит в нескольких брачных союзах с разными мужчинами. Фратеральная полиандрия, при которой двое или несколько родных братьев состоят в браке с одной женщиной, традиционно принята у тибетцев в Непале, Китае и северной Индии. Но чаще всего такой тип взаимодействия встречается у социальных насекомых. Например, у пчел и муравьев.

Глава 3. Утро вечера мудренее

День 64, рассвет

В следующие два часа – до самого рассвета – мы вздрагивали, прислушиваясь к шумам на крыше, и перебежали с места на место, подтягиваясь вслед за ними. Но ожидание, что тварь прямо сейчас начнет ломиться в одну из бойниц, так и не подтвердилось. В какой-то момент хаотичные передвижения вывели меня из себя, и я вдруг с удивлением осознал: риск ослепнуть или даже умереть, меня пугает уже не так сильно, как поначалу.

– Слушай, пора с этой фигней завязывать... – прошептал я, возвращая тесак в ножны.

– Что предлагаешь? – заинтересовался Ромка, по-прежнему опасно косясь в сторону двух ближайших ставень, и крепко сжимая топор.

– Это какая-то бессмысленная фигня, нам все-таки придется выбраться на крышу и прикончить ее! Ну, или хотя бы прогнать...

– Нам? – скривился мореман, бросив на меня короткий ироничный взгляд, и снова уставившись в сторону «рептилоидоопасного» направления.

Судя по этому взгляду, ни на какую крышу Боцман лезть однозначно не собирался.

– Вдвоем мы в люк одновременно все равно не пролезем,

поэтому я имею в виду, конечно же, себя... – уточнил я словно само собой разумеющееся.

– Глеб, ты же видел, я не трус! Но от мысли, что эта гнусь буквально плевком способна превратить меня в слепощарого инвалида, все прямо леденеет внутри... – Ромку ощутимо передернуло. – Соревноваться с тварью в скорости, да ... в таких условиях, я просто не считаю возможным. Тем более, в двух шагах от нашей кладовки...

Боцман коротко кивнул в сторону склада с металлом, и я невольно фыркнул. «Точно, у нас же тут еще и богатств, как в пещере Алладина! Подыхать сейчас и впрямь обидно...»

– Брось, я все понимаю! На самом деле ведь и нет никакой необходимости рисковать сразу обоим. Нам нужно прикончить змеюку, а не завалить врага трупами или удивить ее героизмом...

Не было причин сомневаться, что напарнику чертовски непросто далась эта откровенность (особенно последнее уточнение), но мой план и не предполагал совместного самоубийственного броска в люк под потолком. Очевидно, сообразив это, Ромка отступил назад и все так же, не отводя взгляда от места потенциального прорыва, прошептал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.